

(Продолжение. Начало в № 2/38.)

ПОРАЖЕНИЕ

Своим заявлением он связал меня по рукам и ногам. И если до этого моей заботой было спасти только себя, то теперь мне нужно было спасать нас обоих.

В этом факте я снова признался, что и на этом отрезке меня снова переиграла, что я снова допустил просчет и в профессиональном отношении снова оказался слабее, чем привык о себе думать.

Уж много позже я спрашивал у него: почему я не смог предугадать тогда подобного хода — что брат бросится спасать меня? И открыв кого-то и из последних Оптинских старцев, прочел: подобное видится подобным. Видеть в людях светлое и доброе можно, только имея это добро и свет в себе. Если видишь в окружающих только плохое и злое, значит, ты сам имеешь в себе только это. А потому видеть любовь брата ко мне я, будучи сам чернее черного, был, конечно, не способен. А значит, и предвидеть и предугадать возможность подобной развязки не мог.

На сегодняшний день для меня несомненно и то, что своими действиями брат не только не повредил мне тогда, но, как это ни странно может показаться на первый взгляд, сделал для меня гораздо больше, чем мог бы предположить, — обеспечил возможность подлинного спасения.

Однако в те дни я расценил поведение брата несколько иначе, как мальчишеское легкомыслие, которое могло стоить уже не только моей жизни, но и его. Хотя винил при этом я прежде всего самого себя — за то, что не просчитал, что он может повести себя еще и так.

Но даже и после этого я продолжал верить в себя, в то, что я сумею завершить эту партию с минимальными для нас потерями. Я попробовал навязать следствию свой новый сценарий, с полупризнаниями, надуманными мотивами, передергиванием фактов, попробовал использовать знакомства и связи. И какое-то время казалось, что у меня снова все получилось. Мой сценарий был принят, нам было обещано тринадцать и восемь лет, но «нет худого дерева, приносящего плод добрый»: буквально за сутки до начала судебного разбирательства мне сообщили, что одна из моих потерпевших является односельчанкой члена Политбюро ЦК КПСС, и что он настаивает на суровом наказании.

Это было моим третьим и последним поражением, которое спустя несколько недель после приговора завершилось осознанием абсолютной своей несостоятельности. Позже у отца Александра Меня я прочел, что преобращение начинается с признания собственной слабости и ничтожности. Исходя из этого допускаю, что признание мною собственного профессионального бессилия и было моим первым шагом к тому, что называется обращением. Ночью того дня, когда это произошло, выпал снег. Отопление еще не включили. Было очень холодно. Ботинки и телогрейка в комплект вещдоловства смертника не входит — ноги в тапочках с дерматиновой подшовой сразу же замерзли. Я хотел вернуться под одеяло и был остановлен замечанием: под одеялом после команды «подъем» не положено. Заправив постель, я

сделал попытку согреться зарядкой и был одернут: физические упражнения мне, как «лицу, владеющему техникой единоборств», запрещены и любое приседание в моем исполнении будет расцениваться как приготовление к нападению — это мне действительно было объявлено под роспись в первый же день моего поступления в изолятор.

Или еще — днем раньше или днем позже. Я ходил по камере. Память снова и снова пыталась заманить в прошлое глазами жены, голосами бегущих со всех ног навстречу детей. Чтобы не подпускать их, затвердил, по уже проверенной системе, Высоцкого.

«Среди нехожих путей... — три шага к двери — один путь мой...» — три обратно. От подъема до отбоя 70 километров. Чтобы вымотать тело — почти бегом. Чтобы перекричать память, вслух: «...и в мире нет таких вершин,

Порой, только оказавшись в трудной жизненной ситуации, человек приходит к Богу

что взять нельзя...» — произнес и споткнулся.

Тетрадный лист с этой строчкой четыре года провисел у меня над кроватью в студенческом общежитии. Что-то вроде жизненного девиза. Эта фраза оставалась у меня в памяти и во все последующие годы. И я, действительно, считал, что «непреодолимые вершины» — это отговорки для ленивых. Все, что человеку нужно для выполнения любого дела, — это хотеть и стараться.

По инерции я продолжал повторять эту фразу, находясь уже в камере смертников. Чисто механически, особо не вслушиваясь в произносимое... А в тот момент в сознании словно возник какой-то проблеск. Услышал собственный голос и вдруг удивился абсолютному несоответствию между тем, что утверждаю, и тем, что есть на самом деле: отрицая недоступность, налетел на нее лбом. И это был уже не образ, не аллегория — эти «вершины», в виде

абсолютно материальных стен и решеток, обступали меня со всех четырех сторон. И я, имея теперь и желание, и предельную готовность к приложению всех своих сил и способностей, ни преодолеть их, ни превозмочь не мог.

Это можно было назвать почти физическим соприкосновением тепла и мягкости моих костей и мышц с несокрушимой мощью железа и бетона. Суеязный прежде исключительно внутри периметра камеры я словно бы расширился, вбирая в осознание самого себя и толщину стен. При этом кто-то как бы говорил: ну, давай, где твои свинги? Подскочи-подпрыгни... **Предостережение стен кто-то как будто демонстрировал мне самому — придуманному, воспринимавшему себя как какую-то самодостаточность — мое физическое абсолютное ничтожество.**

Под этим «кем-то» в тот момент я, конечно же, подразумевал только

в конце письма «до свидания»... Газетная публикация, на которую уже не мог возразить... Записка уходящего на этап брата, такого же, как и я, материалиста и атеиста, вдруг написавшего: «...это только первый раунд, будет еще один, он твой, тебя не расстреляют — мне было видение, но о нем при встрече»... Накапливаясь, приобщаясь одно к другому, эти мелочи, в какой-то момент, видимо, достигли такого количества, которое в конце концов уже не могло не привести к наступлению во мне перемен качественного характера. И, наверное, первым признаком этих перемен было то, что я наконец-то начал задавать себе вопросы.

Так, получив замечание от контролера, я подумал: как же стал возможным этот абсурд, что мальчишка учит меня, годящегося ему в отцы, уму-разуму?.. Секретарь суда так же заставила меня покраснеть, и, возвратясь после ее визита в камеру, я тоже спросил себя: действительно, ну почему же не хищение, не взятка, не что-либо иное, без крови, — почему именно убийство? И почему мне не помогли ни знания юриспруденции, ни опыт, ни знакомства? Где, когда и какую переходя речку, я перепутал «хвост коня с хвостом собаки»?

Конкретные вопросы требовали конкретных ответов. Однако первые мои попытки саморевизии были похожи на ловлю налима намыленными руками. Делая шаг вперед, то есть признавая свое полное поражение, я тут же делал тридцать три антраша назад и в сторону.

Во-первых, очень мешало мое непомерное самолюбие. Как только дело доходило до того, чтобы, анализируя какой-то факт, признать, что в таком-то месте, в такое-то время я действительно допустил ошибку — смалодушничал, собормотничал, — все живущие во мне обезьяны начинали вопить и рвать меня изнутри с утроенной яростью.

Во-вторых, «чемоданное настроение». Заболел зуб. «Если не сегодня-завтра покойник — есть ли смысл лечить?» Стоматолог шутил, но в принципе я был полностью с ним согласен. И беря потом в руки зубную щетку, каждый раз ловил себя на мысли: «А зачем?.. Зачем пришивать оторвавшуюся пуговицу? Уходить от окна из опасения простудиться? Производить в себе какие-то теоретические раскопки и до чего-то там доискиваться? Ну и докопаюсь я до всех этих первопричин — что дальше? Какая мне разница (а тем более кому-то), будет мой труп завтра гнить с наличием в моей голове ответов на все эти вопросы или без них? Бессмыслища...»

Потому все мои первые мысленные оглядки какой-либо пристальностью, конечно же, не отличались. Действуя по принципу: первое, что нужно сделать, собираясь приготовить жареного зайца из кошки, — отрубить ей хвост, я, отвечая на вопрос, где и в каком именно месте я споткнулся, сразу же сводил все к единственному дню. Тому, когда было совершенно убийство.

ПОЧЕМУ Я ЭТО СДЕЛАЛ?

И у меня получалось, что совершенное мною преступление не есть закономерный результат всей моей абсолютно не в ту сторону прожитой жизни, а всего лишь ошибка одного дня: «минутная слабость, стечение обстоятельств...» «Не появившись у меня до 12 часов транспорта, не столкнувшись с К. и П. на площади...», «Не... не... не...» — и никакого убийства я бы в жизни не совершил.

Я по-прежнему держался позиции, что убийцей я стал буквально за несколько минут, по взмаху волшебной палочки, а не превращаясь в него на протяжении длительного периода, начиная, может быть, с какого-то момента, когда впервые не усмотрел абсолютно никакой опасности в произнесении неточности. На вопрос отца: «Сколько на часах?» крикнул: «Три» — в то время как стрелки показывали еще только без четверти. Когда впервые сказал неправду уже умышленно, позавидовал, позлорадствовал, присвоил чужое, в свою пользу истолковывая Высоцкого: «Чистая правда со временем восторжествует, если проделает то же, что явная ложь...» Я продолжал уверять себя, что все свои тридцать лет жил совершенно правильно, был «как все», и только в тот самый день как-то не сориентировался, не собрался, в результате «совершенно нечаянно», оступился, сшиб с обрыва людей и полетел следом за ними сам. А потому и вины на мне не больше, чем на добром и честном, но случайно уснувшим за рулем грузовика водителе.

Один ошибочный вывод влек за собой целый ряд таких же противоречащих истин и заключений. Например, когда уязвленное мое самолюбие пыталось определить для себя конкретные имена людей, которые на этот раз «переиграли и победили меня», я тут же начинал убеждать себя, что это некое повторение случая, происшедшего со мной на отборочных соревнованиях. Раздался гонг, шагнул, лопнула на трусах резинка, инстинктивно дернул руку вниз, противник ударил, и я оказался на полу. Нынешнее поражение, успокаивал я себя, — та же досадная нелепость: это не они победили, а это проиграл я — в силу глупейшего стечения обстоятельств раскрылся, а вся их заслуга лишь в том, что они не преминули этим воспользоваться...

Однако и позже, уже начиная осознать, что дело вовсе не в «случайности», а, действительно, в следовании ложным ориентирам на протяжении всей моей жизни в целом, я все равно продолжал движение в направлении от истины. «От» — потому что продолжал искать победивших меня среди не тому учивших меня учителей, не того требовавших от меня наставников, тренеров, руководителей, не к тому призывавших меня героев и кумиров, лидеров и вождей, будучи не способным даже предположить, что ни теперь, ни раньше моими лжеводителями, противостоятелями и соперниками были совсем не они, и даже вовсе не люди...

(Продолжение следует)

ТЮРЕМНАЯ ХРОНИКА

и безнадзорности несовершеннолетних. Эта тема обсуждалась на «круглом столе» в МВД Коми, посвященном взаимодействию правоохранительных органов с Сыктывкарской и Воркутинской епархией в рамках договора о сотрудничестве.

«В период летних каникул занятых детей всего 7%, остальные 93% — на улице. Если родители не работают, то дети не могут посещать лагеря с дневным пребыванием при школах, отдыхать в оздоровительных лагерях, они не подлежат временному трудоустройству. Особенно остро эта проблема проявилась в сельской местности», — отметила заместитель начальника отдела по обеспечению деятельности участковых уполномоченных милиции и подразделений по делам несовершеннолетних МВД Коми Светлана Мельникова.

По мнению правоохранителей, частично решить проблему можно было бы путем организации трудовых лагерей на базе приходов, монастырей, церквей и молитвенных домов в период летних каникул для несовершеннолетних. Кроме этого, работникам церкви было предложено взять под шефство дома-интернаты, в которых из года в год сохраняется сложная криминогенная обстановка.

По словам Светланы Мельниковой, священнослужители могли бы проводить просветительскую работу в образовательных учреждениях с целью знакомства с историей и основами православия.

«Патриархия.ru»

Воспитательным колониям пожертвовали иконы и духовные книги

Доброе дело совершили прихожане Иоанно-Предтеченского кафедраль-

ного собора Екатеринбург. Для нужд православных общин Кировоградской и Красноуральской воспитательных колоний они пожертвовали иконы и более ста духовных книг.

В обеих воспитательных колониях для несовершеннолетних действуют православные общины, у воспитанников есть возможность собраться за богослужениями в отдельных молитвенных помещениях.

Исповедующие православие малолетние правонарушители имеют возможность собраться вместе, обсудить текущие дела или накопившиеся проблемы. По словам начальника колонии ВК-2 города Кировграда подполковника внутренней службы Ивана Геннадьевича Плотникова, ребята с увлечением взялись за чтение духовных книг, разъясняющих те или иные догматы и основы православной веры.

ИА Екатеринбургской епархии

Суровый приговор... коту

Американский суд приговорил kota-хулигана Льюиса к пожизненному домашнему заключению. Таким образом Льюис, терроризировавший своих соседей на протяжении нескольких лет, избежал кошачьей смертной казни — усыпления, но теперь он не сможет покидать пределы дома, в котором живет в городе Фейрфилд в Коннектикуте.

Льюис был «задержан» в феврале этого года за агрессивное поведение и нападения на людей и с тех пор уже находился под строгим домашним арестом. В Фейрфилде многие жители панически боятся этого рыжего kota, который придумывал десятки уловок, чтобы перехитрить «умную добычу» — людей.

В марте 2006 года офицер Управления контроля над животными обязал хозяйку держать Льюиса под «домашним арестом». Сама

владелица безуспешно пыталась лечить kota антидепрессантами. Теперь, если коту все же удастся выбраться за пределы жилища, его хозяйке придется сесть в тюрьму на шесть месяцев, а животное будет передано на «добровольную эвтаназию». История kota Льюиса привлекла широкое внимание общественности. Защитники животных считают, что возможное наказание kota несоразмерно тяжести его проступков, учитывая его почтенный возраст — Льюису уже 24 года.

Сибирское агентство новостей

